

УДК 930(091)

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РУБЕЖА XX–XXI вв.:
ДИСКУССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет

E-mail: nvt@tpu.ru

Трубникова Наталья Валерьевна, д-р ист. наук, профессор и заведующая кафедрой истории и регионоведения гуманитарного факультета ТПУ.

E-mail: nvt@tpu.ru

Область научных интересов: теория и методология истории, история исторической науки, современная западная историография.

Характеризуются основные направления развития современной социальной истории. Проводится анализ основных дискуссий истории культурных практик, сформировавшейся на основе истории ментальностей рубежа 1970–80-х гг., рассматривается специфика научных дебатов сторонников и противников «лингвистического поворота». Значительная роль в формировании современных ориентаций исторической науки отводится французскому историку Р. Шартье, который наделяет особым смыслом понятие

«культурных репрезентаций», способных стать основой для новых продуктивных исследований обновленной социальной истории.

Ключевые слова:

Социальная история, историческая школа «Анналов», история ментальностей, репрезентация, лингвистический поворот, дискурс, верификация, релятивизм.

Key words:

Social history, historical school of «Annales», history of mentalities, representation, linguistic turn, discourse, verification, relativity.

Основным оплотом социальной истории на рубеже XX–XXI вв. остаются французские историки, близкие традиции исторической школы «Анналов», из которых наиболее заметный вклад в развитие этого исследовательского направления был внесен Роже Шартье. Его исследования, как теоретико-методологической, так и конкретно-исторической направленности, представляют собой критику предшествующих схем исторического познания и попытку выхода из обозначенных затруднений. Автор стремится трансформировать опыт истории ментальностей, одновременно оспаривая и защищая его продуктивную часть, в историю «социокультурную» [1].

Реагируя на дискуссию, разыгравшуюся в исторической науке на рубеже 1980–1990-х гг., вокруг проблемы категорий «ученой» и «народной» культур, он переосмыслил все бинарные оппозиции, характерные для творчества «новых историков» – ученое-народное, творчество-потребление, реальность-вымысел и т. д., утверждая, что любые дихотомии как «упрощающий» тип мыслительной операции являются недолговечными и нестабильными.

Шартье как историк культурных практик Нового Времени оценил социальную «прописку» народной культуры как крайне неоднородную. Какую религию можно назвать «народной»: это религия основной массы «доминируемых» крестьян по отношению к элитам или совокупность светских верований по отношению к церковным? Что такое «народная» литература: формируется ли она от публичных чтений (слушаний) внутри крестьянской общины, или внутри «средней» публики, расположенной между людьми абсолютно неграмотными и незначительным меньшинством грамотных? Или же «народная литература» образуется из чтения, разделяемого всем обществом, где каждая группа расшифровывала его по-своему, обеспечивая собственными смыслами? Шартье утверждает смешанное происхождение всех культурных форм, всегда сочетающих различные источники. Здесь уживались и практика переписывания ученых текстов, в целях их адаптации для

простонародья, и предпочтения читателей, совершающих книжные покупки, что влияло на политику публикаций. Делая встречное движение, народный фольклор, дающий главную опору религии, основательно «прорабатывался» нормами и запретами церкви в каждую эпоху. То есть важно не определение народной культуры само по себе, но идентификация того, как практики, репрезентации или произведения пересекались, создавая и сочетая в себе различные фигуры культуры.

Такое же искусство постоянной переработки, усвоения и взаимодействия с «народными» планами культуры можно видеть в случае с культурной жизнью элиты. Отказ следовать грубой оппозиции «народного» и «ученого» привело к тому, что привычные квантитативные методы потеряли свою актуальность, выводя на передний план микроисторический фокус исследования, сквозь который видно, как человек из народа думает, усваивает и использует интеллектуальные элементы, пришедшие из культуры «грамотных».

Столь же несостоятельным Шартье считает традиционное противопоставление творчества и потребления, производства и восприятия, как если бы идеи и формы имели внутренний смысл, полностью независимый от их усвоения субъектом или группой субъектов. В действительности такого автономного смысла нет, историк в процессе исследования производит частное собственное «потребление» исследуемого предмета и возводит его, сам того не осознавая, в универсальную категорию интерпретации. Значит, необходимо восстановить историчность изучаемого текста или образа, воспринять само культурное или интеллектуальное «потребление» как производство, которое фабрикует не конкретные культурные продукты, но образует репрезентации. Последние никогда не бывают идентичны тем, которые вдохновляли самого автора на создание произведения. Потребление приобретает смысл только через стратегии интерпретации, которые конструируют его значения, переусваивают и перенаправляют мысль автора, зачастую – даже сопротивляются им.

Дихотомия реальности и ее репрезентаций также подверглась сомнению у Шартье. Источниковая база исследования – тексты в широком смысле – привычно подразделяются на «документальные» и «литературные». Это противопоставляет историков экономики и общества, воссоздающих «подлинные» фрагменты реальности, с одной стороны, историкам ментальностей, оперирующим вымыслами, пространством чистого воображения, с другой. Такое фундаментальное разделение не было изменено новшествами, привнесенными традицией «Анналов»: ни конструкцией статистических серий, которые только заостряли их приверженность «научной» истине, ни введением в практику исследования, начиная с Филиппа Арьеса, литературных текстов, поскольку при этом источник возводился в статус документа, теряя свою аутентичную природу, превращаясь в художественную иллюстрацию законов квантификации. Эти оппозиции кажутся слишком простыми в эпоху, когда историкам стали доступны труды теоретиков литературной критики или социологии.

«Ясно, что никакой текст, даже самый видимо документарный, даже самый «объективный» (например, статистическая таблица, выполненная администрацией), не поддерживает прозрачной связи с реальностью, которую он постигает. Никогда текст, литературный или документарный, не может аннулировать себя как текст, то есть, как систему, конструированную согласно категориям, схемам восприятия и оценки, правилам действия, которые отсылают к самим его условиям производства. Связь текста с реальным конструируется согласно дискурсивным моделям и интеллектуальным разделениям, присущим каждой отдельной ситуации письма» [2].

Сама реальность обретает при таком восприятии новый смысл: при «позитивном» прочтении документа необходимо сначала выявить категории мысли и принципы письма, присущие автору, а в самом тексте – признавать реальной не изображаемую действительность, но сам способ, которым она изображается, историчность его производства и стратегий его написания.

Наибольшую известность приобрели изложенные размышления Роже Шартье, которые отстаивали легитимность социальной истории, написанной «по-французски», и были сформулированы в попытке противостоять шквалу критики, исходящей из англо-американского «постструктуралистского» стана.

На международном коллоквиуме в Корнеле, посвященном проблемам современной интеллектуальной истории Европы, Шартье представил доклад «Интеллектуальная история или социокультурная история? Французские траектории» [3], где излагал свои предложения по обновлению истории культуры, которые уже были представлены выше, никоим образом не оспаривая права социальной истории на существование. Однако американские коллеги придали его выступлению в коллоквиуме совершенно иной смысл. Фактом этого участия доказывалось, что даже историки «Анналов» ныне допускают, что социальная история культуры устарела. Статья Шартье, открывавшая сборник, впоследствии неоднократно представлялась как вклад в «лингвистический поворот», а ее автор – как несомненный его приверженец. В завершение сборника ЛаКапра цитировал этот текст, чтобы показать, что проект тотальной истории, защищаемый «Анналами», был «сурово поставлен под сомнение» самыми молодыми представителями «традиции Анналов» [4]. Джон Тос увидел в участии Шартье «самую жесткую критику социально-культурной истории в духе «Анналов», а Энтони Пагден утверждал, что «яркое ...и, в конце концов, разрушительное» участие Шартье отвергает «почти тираническое превосходство социального измерения» для интеллектуальной истории.

В действительности тональность выступления Шартье была несколько иной. Он провозглашал новые пути исследования, но совсем не в текстологической перспективе, настаивая на разнообразии возможных подходов для культурной истории, на важности национальных историографических традиций, поскольку сам термин «интеллектуальной истории» не имеет эквивалента, например, во Франции и Германии. Наконец, его интеллектуальные референты, за редким исключением, имели прописку не в философии, но в социологии, наполненной духом Элиаса и Бурдьё.

Шартье, черпающий свои аргументы не только из своего опыта историка, но и из теорий социального конструктивизма, отстаивает принадлежность истории к социальным наукам, считая незаконной редукцию основополагающих практик социального мира к принципам, которые управляют дискурсами. Если реальность прошлого чаще всего и бывает доступна через посредничество текстов, то это не означает, что миром правит логика дискурсов, отменяя сферу практической логики, которая руководит поведением и действиями. Опыт несводим к дискурсу, и нельзя бездумно прилагать категорию «текста» к практикам, повседневным или ритуальным, поскольку их тактики и процедуры не имеют ничего общего с дискурсивными стратегиями. Необходимо поддерживать различие между теми и другими, чтобы не «выдавать за принцип практики агентов теорию, которую необходимо сконструировать, чтобы найти ей причину», как выразился Пьер Бурдьё.

К тому же необходимо понимать, что выражение человеческих интересов через дискурсы само по себе социально-детерминировано, обеспечено неравными ресурсами (языковыми, концептуальными, материальными и т. д.), которыми располагают те, кто его производит. То есть и дискурсивные конструкции отсылают к объективным и различающимся социальным позициям.

Последние выводы во многом относятся не только к «лингвистическому повороту», но и к дискуссии вокруг знаменитой книги историка Роберта Дарнтона «Большое кошачье побоище» [5], вдохновленной культурной антропологией Клиффорда Гирца. В ней на основании шести сюжетов, относящихся к различным эпохам французской истории, автор сделал смелые (иногда нелицеприятные) обобщения о специфике французской культуры и национального характера в целом. Шартье генерализации Дарнтоня представляются надуманными, он критикует применяемое автором определение культуры как «символического универсума», «как совокупности текстов». Нельзя рассматривать как текст и письменный документ, – единственный след некой прежней практики, – и саму эту практику, также необходимо понимать, что одни и те же символы различно воспринимаются и используются разными социальными средами [6]. Шартье выразил новую позицию «Анналов», утверждая переход «от радикального разделения между реальным и его репрезентациями к пониманию репрезентаций социального мира как определяющих само социальное, а также как инструменты и цели борьбы, которые в нем проявляются» [7].

Отстаивая независимость и легитимность профессионального универсума историка, Шартье выстраивает свою аргументацию в полемике с Хейденом Уайтом. История состоит из ряда специфических дисциплинарных процедур: конструирования и обработки данных, производства гипотез, критики и верификации результатов, проверки адекватности между дискурсом знания и его объектом... В отличие от литератора, историк зависим от источников, критериев научности и технических операций. И если история Броделя отличается от истории Мишле, то это не значит, что никаких специфических критериев и принуждений, отличных от процедур написания, в ремесле историка не существует.

Вслед за Мишелем де Серто, Шартье отверг и литературную, и естественнонаучную модели истории. История – «научная» практика, она «производит знания, но это практика, свойства которой зависят от вариаций технических процедур, принуждений, которые налагает социальная среда и институт знания, к которому она принадлежит, а также правила написания» [8].

Таким образом, среди историков, причастных к традиции «Анналов», именно Роже Шартье в наибольшей степени внес вклад в то, чтобы опровергнуть релятивизирующие последствия «лингвистического поворота» и конструировать своего рода теоретическую противоположность, подходящую для французской историографии. За редким исключением, французы негативно восприняли позицию «лингвистического поворота» [9]. Их рефлексия опирается на комплексные исследования, касающиеся возможностей и границ нарративистских традиций для исторической рефлексии. Как свидетельствует книга Ф. Кэррэрда, французская историография в целом более внимательна к проблеме релятивизма, достоверности и верификации в истории, нежели к процедурам письма и поэтики.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МД-1336.2011.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bédarida F. L'historien régisseur du temps? Savoir et responsabilité // *Revue historique*. – 1998. – № 605 (1). – P. 3–24.
2. Bourdieu P. *Choses dites*. – Paris: Minuit, 1987. – 229 p.
3. Chartier R. *Au bord de la falaise. L'histoire entre certitude et inquiétude*. Paris: A. Michel, 1998. – 293 p.
4. Chartier R. Dialogue à propos de l'histoire culturelle (avec Pierre Bourdieu et Robert Darnton) // *Actes de la recherche en sciences sociales*. – 1985. – № 59. – P. 86–93.
5. Chartier R. Intellectual History or Sociocultural History. The French Trajectory // LaCapra D., Kaplan S. (eds.) *Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives*. – Ithaca and London: Cornell UP, 1982. – 354 p.
6. Chartier R. Text, Symbols, and Frenchness // *Journal of Modern History*. – 1985. – № 57. – P. 682–695.
7. Darnton R. *Le grande massacre des chats; attitudes et croyances dans l'ancienne France*. – рус. перевод: Дарнтон Р. Большое кошачье побоище. – М.: НЛО, 2002. – 279 с.
8. Prost A. *Douze leçons sur l'histoire*. – P.: Seuil, 1996. – 341 p.
9. Revel J., Wachtel N. (éd.) *Une école pour les sciences sociales*. – P.: Cerf, 1996. – 554 p.

Поступила 17.10.2011 г.